

А. Б. МОРОЗ
(Москва)

САКРАЛЬНЫЙ АДРЕСАТ — ПРОФАННЫЙ АДРЕСАНТ. ЗАПИСКИ СВЯТЫМ КАК СРЕДСТВО ИСПОЛНЕНИЯ ЖЕЛАНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается получающая в современной России широкое распространение практика писать записки святым в местах их почитания. На примере трех мест показано, как она зарождается под влиянием внутренних и внешних факторов. В обоих случаях лексика и синтаксис таких записок свидетельствуют о секуляризации практики и превращении записок из писем святым в инструмент исполнения желаний.

Ключевые слова: народная религиозность, фольклор, святые, обряд, часовня, святые места, культ святых, письмо.

Само по себе написание записок сакральному адресату, с тем чтобы оставить их в сакральном же месте и ожидать исполнения просьбы, — явление давнее. Из наиболее древних и известных прецедентов можно вспомнить Стену Плача в Иерусалиме, где эта традиция насчитывает несколько столетий. Некоторое типологическое сходство у такой практики есть (как будет показано ниже) с написанием записок за упокой или за здоровье во время православного богослужения. В народной религиозности этот обычай соотносим с вотивной практикой обетных (*заветных*) приношений в церкви или в почитаемых местах, когда вывешивается, скажем, предмет одежды, носимый на больном месте, или же изображение большой части тела. Тип приношения служит сам по себе формулировкой адресуемой высшим силам просьбы. Т. Б. Щепанская отмечает также традицию писания просьбы на подношениях-пеленах [Щепанская 1995, 177].

Наряду с уже названными двумя известными ситуациями, когда пишется

записки сакральному адресату, можно перечислить еще несколько. Если говорить об иудаизме, то достаточно широко (если не повсеместно) существует обычай оставлять записки на могилах праведников (официально признанных или почитаемых «снизу»). Автору приходилось наблюдать такие записки на могилах известных цадиков в Израиле и на кладбищах в Черновцах, Кракове и др. Записки содержат обычно обращения к Богу с просьбой дать благополучия в какой-либо форме или покарать обидчика. То есть, насколько можно судить по нашим небогатым материалам, почитаемые могилы для пишущих (к которым явно относятся не только евреи) служат преимущественно способом донести просьбу до Всевышнего¹.

В православной практике в России наиболее давним, ярким и известным примером остается часовня на могиле Ксении Петербургской на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга. С момента освящения ее в 1902 г. и до закрытия в часовню приходили письма с просьбой помолиться на могиле блаженной об избавлении от бед, а затем благодарственные, содержащие описания произошедших исцелений [Кормина, Штырков 2008, 154—155]. Практика подкладывания записок уже непосредственно с просьбой на могилу или втыкания их в щели часовни возникла, видимо, после запрета на панихиды [Филичева 2006, 171] как компенсация. После повторного освящения часовни в 1987 г. возобновилась практика панихид (а с канонизацией Ксении в 1988 г. — молебнов). При этом практика писания записок сохранилась вопреки усилиям клира. Такая же практика фиксируется и в других местах, например, в часовне на могиле старца Изосимы на московском Введенском кладбище, на могиле Матроны Московской до ее канонизации и ряде других мест [Там же, 172] (кладбище в этом контексте появляется достаточно часто).

Тем не менее можно констатировать, что написание записок святым и Богу всё более распространяется, стре-

¹ Подробно практика обращения неевреев к еврейским религиозным «авторитетам» рассмотрена в работе М. Каспиной и С. Амосовой [Каспина, Амосова 2009].

нительно набирает обороты и выходит за рамки собственно народно-религиозных практик. Хорошо известная матрица начинает активно использоваться в целом ряде новых случаев, приобретая новые детали, видоизменяясь и смещая акценты. Так, буквально на наших глазах возникли независимо одна от другой три такие практики.

Келья преп. Иринарха Ростовского

В Борисо-Глебском монастыре (пос. Борисоглебский Ярославской обл.) на р. Устье, известном благодаря подвизавшемуся в нем св. Иринарху Ростовскому [Мороз 2009, 309—340], есть так называемая келья преп. Иринарха — часовня, пристроенная к монастырской стене. Автору статьи ни разу не удавалось попасть внутрь, на двери постоянно висит замок. Вероятно, так дело обстоит всегда, так как записочки, которые стали приносить в келью, втыкают в щели дощатой двери. Это было обнаружено в августе 2011 г., при том, что во время предыдущего нашего визита в монастырь в 2007 г. ничего

подобного не было. Записок мы нашли около 30: и места в щелях небольшой двери мало, и посетителей в монастыре бывает немного: он не является ни паломническим, ни туристическим центром. Мощи святого находятся в раке в соборе того же монастыря, и у них записок не оставляют.

Нам удалось рассмотреть примерно треть записок — 11 штук, и говорить о какой-либо статистике на таком материале невозможно; тем не менее, можно наблюдать некоторую тенденцию. Большая часть записок, кажется, написана людьми, понимающими, куда и к кому они пришли. Они содержат обращение и адресованы преп. Иринарху: *отче, святой, преподобный Иринарх*, в двух случаях используется непростой для непосвященного вокатив *Иринарше*. Две записки адресованы Господу: *Господи, святой Боже*. Одна содержит прямое указание адресата, как в письме (*Св. Иринарху Затворнику*); еще одна вовсе не содержит указания на адресата и начинается непосредственно просьбой. Два текста, написанные одной рукой, представляют собой стандартные поминальные записки о здравии и об упокоении на типографски отпечатанных бланках, которые, тем не менее, не отдали в храм, а принесли в келью святого.

Содержательно записки подразделяются так: помимо упомянутых (о здравии и об упокоении) пять записок содержат молитвенную просьбу общего свойства (*Молись о... Моли Бога о... Благослови нас... Прости... Моли Бога о упокоении*), после чего в четырех случаях излагается конкретное пожелание. В остальных случаях оно высказывается сразу: *Помоги...* Просьбы направлены на обеспечение здоровья (4), устройство личной или семейной жизни (3), рождение ребенка (2), обеспечение материального достатка, в частности решение жилищных проблем (2). Две записки содержат нетипичные пожелания: *благополучно завершить начатое дело и еще приехать в это святое место*. Последняя записка написана ребенком, текст сопровождается рисунком, изображающим девочку, и, кажется, навеян впечатлениями от паломнического посещения монастыря.

Келья св. Иринарха Затворника в Борисо-Глебском на Устье монастыре (пос. Борисоглебский Ярославской обл.). Фото автора. 2011 г.

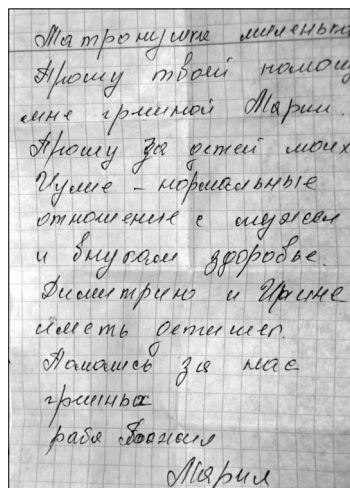
Адресант, как правило, не указан, его можно вычислить в ряде случаев через упоминание объекта по имени (*прости р. б. Клавдию за ее грехи*). Однако одна из записок содержит непосредственно подпись: *Екатерина!* Эта записка и формой, и содержанием выдает человека постороннего, не имеющего представления о том, к кому и почему он обращается. Начинается она так: *Дайте мне ума!* — а далее содержит просьбу *миллиард евро заработать и выйти за муж*² (вероятно, здесь может быть усмотрена и ирония).

Помимо вокатива *Иринарше* еще в двух текстах делается попытка использования церковнославянской лексики (*моли Бога о чаде моей Анне; моли бога об упокоении наших усопших родных*), в остальном лексика и стилистика записок мало отличается от повседневной речи и даже иногда подчеркнута носит черты устной коммуникации между близкими людьми: *помолись, миленький пожалуйста; у нее (дочери адресанта. — А. М.) очень много мужских гормонов*.

Часовня местной святой в Рязанской епархии блаженной Матроны Анемнясевской

Матрона Анемнясевская (1864—1936), жительница д. Анемнясево Клепиковского р-на Рязанской обл., была прославлена как местничимая святая в 1999 г. Житие ее во многом повторяет житие Матроны Московской: она была слепа с детства, затем утратила способность ходить, лежала в доме у родственников, куда к ней приходили просить исцеления или пророчества. После прославления на месте дома, где жила Матрона, была выстроена часовня, в которую ходят как местные жители, так и приезжающие из Касимова, поселка Гусь-Железный и соседних деревень. Приезжают и из более дальних мест, в том числе из Москвы и Рязани, что объясняется не только популярностью блаженной (отнюдь не высокой), но и большим количеством дачников из этих городов в окрестных селах. По свидетельству священника Троицкого собора в пос. Гусь-Железный прот. Серафима Правдолюбова, высказанному

² Здесь и далее орфография и пунктуация подлинников сохранены.

Записка св. Матроне Анемнясевской. Фото автора. 2011 г.

им в фильме «Рязанское чудо. Матрона Анемнясевская» (реж. А. Воскресенский)³, в часовню приносят множество записок не только с именами для молитвы об упокоении или о здравии, но и с благодарностью Матроне за ее помощь. Наши материалы показывают несколько иную ситуацию: большая часть записок — именно поминальные, однако нами были обнаружены и записки с просьбами о помощи — всего 10. Они лежат отдельно от остальных, на столике, под фотографией блаженной. Их анализ показывает большую осведомленность авторов о том, кому они пишут, и подготовленность по части написания. Все записки без исключения содержат обращение, причем вполне стандартное, (*Матушка Матронушка/ Матрёна*, или даже литургические формулы: *Святая блаженная мати Матроно Анемнясевская; О блаженная мати Матроно*. Наиболее частотная диминутивная форма *Матронушка* также отсылает нас к культу Матроны Московской, канонизированной годом ранее.

Содержание записок распределяется так: о зачатии и родах (4), о семейном благополучии (3), о здоровье (3), об успешной учебе детей (2), далее по одному разу о хорошей работе, об излечении мужа от пьянства, о деньгах. Пожелание выражено в форме императива *помоги* (7) или перформативно: *прошу/ молю тебя* (3).

³ URL: http://www.youtube.com/watch?feature=player_detailpage&v=K9a1xiZBkI8

Примечательно наличие финальных формул, из которых две повторяют молитвенные (*Аминь; Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь*), две содержат пожелание *Храни всех Господь* (почерк и стиль, которым написаны эти два текста, похожи — возможно, они принадлежат одному автору), одна завершается фразой *Слава Богу* и три выражают благодарность: *Спасибо (Матронушка)*. Попыток использовать церковнославянизмы вне этих формул не делается, не считая упоминания Христа (помолись господу нашему Иисусу Христу).

Указание на адресанта в одном случае выражено имплицитно (*помоги мне, рабу Божьему Владимиру*), в трех эксплицитно: *Алексей и Наталья, раба Божья Мария, р. б. Ангелина*.

Часовня свв. Кирилла и Ферапонта Белозерских на горе Маура

Недалеко от Горицкого монастыря (Кирилловский р-н Вологодской обл.) на поросшей лесом горе Маура стоит часовня свв. Кирилла и Ферапонта. Рядом обетный крест и камень-следовик. Согласно легенде, якобы именно с этой горы (с этого камня) святым открылся вид на место, где впоследствии ими был основан монастырь. Часовня едва ли часто посещается местными жителями, однако входит в экскурсионный маршрут «Кирилло-Белозерский монастырь — Горицкий монастырь — Маура». Посетители кидают монеты на камень, зажигают свечи в часовне, встают на следовик и смотрят на озеро. В промежуток между 2007 и 2011 годами возникла практика написания записок. По нашим наблюдениям, в 2007 г. их не было вовсе, в 2011 г. обнаружено 133, они лежали на полках с иконами, а также в большом количестве были заткнуты в щели стен и потолка. Отличительной чертой этих записок можно назвать материал, на котором они написаны: помимо вырванных из блокнотов или ежедневников листов это чеки салонов сотовой связи (7) и др. (4), железнодорожные билеты (2), квитанции за экскурсионное обслуживание, программы экскурсий, билеты в музей, листовки баз отдыха, визитки экскурсоводов (9), сигаретные пачки или фольга из них (4). Кроме того, есть четыре

записки, написанные не ручкой или карандашом, а губной помадой. Всё это указывает на неподготовленность и непреднамеренность написания значительной части из них.

Адресат в подавляющем большинстве записок не указан вовсе, присутствует только в 49-и, при этом распределение такое: Богу (*Господи, Боже, Боженька*) адресованы 22 записки, из них одна вместе с Кириллом и Ферапонтом; двум этим святым вместе — 6 записок; одному Кириллу — 9 и еще в одной записке он упоминается вместе с Николаем Чудотворцем; св. Николай упомянут еще в одной записке отдельно; по одному обращению имеется к неназванным святым (*святые*), Богородице; наконец, 4 записки адресованы Ксении Петербургской. В остальных случаях текст записки начинается непосредственно изложением просьбы или пожелания.

Пожелания характеризуются большей детализированностью и развернутостью, чем в двух предыдущих случаях. Просят опять-таки о здоровье, рождении детей, семейном или материальном благополучии, однако часто записки приобретают форму почти повествовательную (*Помоги прошу, чтобы Толя любил меня больше чем себя, чтоб уважал, ценил, преданным был, добрым, ласковым; Я очень хочу сенсорный телефон флай как у моей сестры токо бежевый — пожелание написано детским почерком, в конце приписано I love you; Очень прошу, пожалуйста, здоровья по женской линии, чтобы мама не пила и найти своего мужчину*). Даже в кратких записках, текст которых ограничен небольшим клочком бумаги, просьбы выражены крайне конкретно: *Сашуле Хаммер на пульте управления*.

Отличительной чертой большинства записок (76) является не только отсутствие обращения, но и форма, в которой высказана просьба: тексты без обращения обычно начинаются со слов *прошу* (13), *хочу* (9), *желаю* (5), *пусть* (12), *чтоб(ы)* (10), *хочется* (1), *дай* (1), *образумь* (1) или просто называют желаемое в аккумулятиве (21) (*Здоровья моим родителям и детям; Взаимопонимания с сыном; Рабе б. Софии любимого мужа*) или инфинитиве (1) (*Закончить 8^ю класс без троек и двоек*) или с исполь-

зованием других эллиптированных конструкций (2): *огромное желание устроить свою личную жизнь; за мою дочь чтобы учёба ей давалась легко.*

Адресант указан имплицитно в четырех случаях⁴, эксплицирован в пятнадцати. При этом иногда в подписи имя сопровождается формулой *раб Божий* или ее вариациями: *р. б. Матвей; Ваша раба Наталья*, а еще в нескольких текстах содержатся эпистолярные обороты или дается дополнительная информация об авторе: *Целую, Юля; Нина 67 л. Череповец; р. Коми Ия.*

Наконец, имеется еще пять записок с перечнем имен для поминовения и два листочка (разрешение на фотосъемку на территории Александро-Свирского монастыря и фрагмент бланка для написания поминальной записки о здравии), которые не могут быть названы записками в полном смысле слова, так как на них ничего не написано, но они явно оказались среди записок неслучайно.

Таким образом, среди записок можно выделить три группы: 1) поминальные (в том числе на специальных бланках); 2) просьбы, адресованные Богу или святым, изложенные в манере, более или менее имитирующей молитвенные тексты; 3) просьбы (точнее, пожелания каких-либо благ себе и близким) без указания конкретного адресата и без малейших попыток имитировать послание святым. Таких большинство. Несколько записок можно счесть полушутивными, хотя достаточных оснований, чтобы настаивать на этом, нет. Несколько демонстрируют явное незнание того, как поступить в момент написания записки, содержат попытки не упустить ничего важного или, наоборот, фиксацию случайно возникших желаний. Не исключено, что «записки» без текста также являются следствием растерянности.

Элементы эпистолярного жанра заметны лишь в единичных случаях и в основном в финальных формулах: *Целую; Спасибо :)* (смайл есть в двух записках). В нескольких текстах адресант старается не просто назвать себя, но

⁴ Не всегда представляется возможным вычленив имя адресанта из списка: *Благослови Господи рабов божьих Светлану, Федору, Андрея...*

и по возможности детализировать информацию (возраст, место жительства). Можно предположить, что это способ повысить вероятность получения просимых благ (чтобы не досталось тезде). Этому же должно способствовать неоднократно встречавшееся нам в других случаях указание номера телефона или адреса. Тем не менее, подавляющее большинство записок вовсе не оформлено как послание, а содержит лишь само пожелание.

* * *

Итак, можно констатировать, что практика писания записок святым чрезвычайно продуктивна и жизнеспособна. Фактически сейчас можно говорить о ней как об одной из наиболее популярных форм общения с сакральным миром. Эта форма распространяется не только на верующих и считающих себя христианами, но и на тех, кто далек от веры или, по крайней мере, не знаком с формами церковной жизни. Собственно, писание записок и не требует знакомства с церковной жизнью и обрядовыми практиками; оно находится, по замечанию О. Филичевой, на грани церковного и светского [Филичева 2006, 173]. Содержание и стилистика записок позволяет выделить несколько групп участников этой обрядности. По-видимому, люди воцерковленные, для которых существуют лишь принятые Церковью формы коммуникации с сакральным, оставляют поминальные записки. Просьбы записываются более удаленными от церковной жизни людьми (тут градация видна в стремлении/отсутствии стремления имитировать церковнославянский язык и ввести в текст литургические формулы). Просьбы в таких случаях носят общий характер (прощение грехов, исцеление от болезни и т. п.). Наконец, люди далекие от церковной жизни или вовсе чуждые ей пишут записки, содержание которых крайне конкретно, часто очень развернуто, в них нет попыток имитировать церковнославянский язык, вводить цитаты из литургических текстов; авторы явно не понимают, как надо обращаться к святому, а то и вообще не знают, кому записка адресуется. Зато такие записки обычно крайне конкретны и даже детализированны. И в том и в другом

случае мы имеем дело со своего рода «самодетельностью» — творчеством, не регламентированным никакими нормами; сами авторы записок создают определенные каноны их написания, и они в зависимости от вовлеченности авторов в церковную жизнь могут быть разными. Разительное отличие третьего рассмотренного случая от первых двух и в количестве записок, и в их форме неоднозначно указывает нам на роль экскурсоводов в создании и поддержании этой формы почитания святых: основное количество посетителей часовни на горе Маура составляют туристы, приезжающие в Кириллов и Ферапонтово, и пассажиры круизных судов, останавливающихся в с. Горицы — ближайшем к часовне населенном пункте⁵. Тексты экскурсий часто включают такой компонент, как сообщение о возможном чудесном исполнении желаний, которое в нашем случае могло спровоцировать массовое написание записок не подготовленными заранее посетителями.

Сказанное не означает, однако, что предложенная экскурсоводами возможность ложится на неподготовленную почву. Значительное число туристов, очевидно, имеет представление о практике писания записок как о способе добиться исполнения желаний. На это отчетливо указывает, например, тот факт, что три записки на Мауре были адресованы Ксении Петербургской. Видимо, связь практики написания записок святым с этим именем как главным или единственным прецедентом оказалась решающей в выборе адресата. Вместе с тем едва ли авторов этих записок можно считать паломниками. На это указывает сам характер обращения в одной из них: *Дорогая небожественница Ксеньюшка. Прошу семейного благополучия, здоровья всем и хорошего мужа для Юлечки, единственной доченьки моей.* Наиболее вероятно, что тут «сработал» сам механизм соотнесения практики с именем наиболее известного адресата записок. Возможно же (хотя маловероятно) причиной обращения к Ксении Блаженной

⁵ Маршрут круиза: Москва — Мышкин — Шексна (Вологда) — Белозерск — Горицы (Кириллов) — Череповец — Весьегонск — Брейтово — Углич — Москва (URL: http://www.cruiz.info/rechnye-kruizy-iz_rossii/161/646).

было влияние часовни Ксении Петербургской, расположенной в 50-и с небольшим км от Мауры в д. Соловарка (Шекснинский р-н Вологодской обл.) Туда так же, как и в Петербурге, приносят записки для Ксении, — если туристический маршрут пролегает мимо этого места.

Разумеется, влияние экскурсоводов нельзя считать единственным или даже главным фактором возникновения такой практики в часовне на Мауре, хотя роль их, несомненно, значительна. Другие случаи, как приведенные, так и не упомянутые, свидетельствуют о весьма быстром росте и широком распространении практики писания записок святым как формы коммуникации со сферой сакрального. Об этом свидетельствует и большое распространение интернет-сайтов, предлагающих платно эту услугу тем, кто не может сам отвезти записку в нужное место, и форумов, где предлагают/просят отвезти записки тех, кто отправляется в паломничество⁶. По всей видимости, изначально имеющая конкретного адресата (Бога, святых) практика, постепенно распространяясь, становится более универсальной и секулярной, адресатами зачастую оказываются не только святые, но и более или менее случайные персонажи. Впрочем, эти персонажи, будучи адресатами записок, тоже начинают интерпретироваться как сакральные. Например, на московском Введенском кладбище имеется несколько усыпальниц начала XX века со стенами, исписанными обращениями подобного содержания (*Господи помоги Кириллу и Надежде найти судьбу, счастье, любовь пусть у них всегда будут деньги аминь; Помогите Господи Вернуться Петруше в свой дом и больше не попадать в тюрьму. Аминь. А.*). Записи эти стали появляться еще в советское время, но сейчас активность пишущих значительно возросла. Наиболее известна построенная по проекту Шехтеля усыпальница семьи мучного заводчика А. М. Эрлангера. В 1990-е гг. после упадка и разорения в советское время мавзолей был восстановлен и стал православной

⁶ См. напр.: URL: <http://www.jerusalem-westernwall.com/?lang=ru&id=33&aid=77>; <http://kmatrone.ru>; <http://baby-teva.ru/index.php?showtopic=7019>

часовней. Стены часовни регулярно красятся, но тут же оказываются вновь исписанными. Среди обращений к Господу или безадресно высказываемых пожеланий можно встретить и такие: *Прошу Господа Бога и Семью Эрлангеров помочь мне. Пусть мой собачий бизнес процветает и щенки продаются самым быстрым и благоприятным образом по любой установленной мной цене. Благодарю, Благодарю, Благодарю; Св. семья! Помолитесь за Илью, Зою, Евгения, Татиану, Александра. Воцерковите детей, во спасение их душ. Отведите от Ильи Игоря! Помогите Илье в работе, дайте Илье, Зое, Татиане, Евгению материальный достаток, помогите приобрести жилье Илье, Зое за сущие копейки в хорошем состоянии. Помогите выйти замуж за Евгения и жить с ним счастливой, любимой, беспечной, чтобы ему во мне все пришлось. Помогите нам в любовных делах. Евгений боится их. Спасибо.* Так сам факт обращения за помощью оказывается достаточным, чтобы адресат был сочтен святым. Аналогичная ситуация наблюдается с Напрудной башней Новодевичьего монастыря, ставшей несколько лет назад объектом поклонения в качестве *Софьиной башни*, где была заточена и умерла царевна Софья Алексеевна [Громов, Ипполитова 2011]. Записки, надписи на стенах и реплики участников обряда тоже время от времени квалифицируют царевну как святую: *Софья она <башня>, да. Святая Софья*⁷. Этому случаю близки примеры письменного обращения к знаменитостям без явного отнесения их к сфере сакрального: так, записи оставляются уловниками на статуе, которая считается надгробным памятником знаменитой аферистке Соньке Золотой Ручке на Ваганьковском кладбище⁸ (*Соня помоги разбогатеть <sic> Юрий Валя Орёл; Соня!!! Помоги выжить в этом мире. Сергей; и, наконец, с намеком на почитание: Соня помоги разбогатеть верю в тебя*).

В данных случаях письма святым или почитаемым людям становятся не заменой паломничества, как утверждает Ж. Кормина по поводу писания запи-

⁷ Пара москвичей, Ирина — около 35 лет и Евгений — около 40 лет. Запись представлена В. А. Комаровой.

⁸ Могила в действительности не ее, но традиция объявила ее таковой.

сок блаженной Ксении [Кормина 182], а универсальной формой выражения культа почитаемых персонажей на практике, независимо от того, признаны ли они Церковью или нет. Старая практика принесения «говорящих» предметов в почитаемые места, соединившись с распространенной идеей загадывать и ожидать исполнения желаний, создает новые религиозные формы почитания тех или иных святых.

Литература

Громов, Ипполитова 2011 — Громов Д. В., Ипполитова А. Б. Карта человеческих желаний, или записки у стен московского монастыря // Традиционная культура. 2011. № 3. С. 76—87.

Каспина, Амосова 2009 — Каспина М., Амосова С. Парадокс межэтнических контактов: практика обращения неевреев в синагогу (по полевым материалам) // Антропологический форум. 2009. № 11. Online. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/11online>

Кормина 2006 — Кормина Ж. Религиозность русской провинции: к вопросу о функции сельских святынь // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. СПб., 2006. С. 130—150.

Кормина, Штырков 2008 — Кормина Ж., Штырков С. Письма верующих как реклама: «всенародная приемная» св. Ксении Петербургской // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 154—184.

Мороз 2009 — Мороз А. Б. Святые Русского Севера. Народная агиография. М., 2009.

Филичева 2006 — Филичева О. Н. Записки для Ксении Блаженной: позиция церковнослужителей и народный обычай // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. СПб., 2006. С. 171—183.

Щепанская 1995 — Щепанская Т. Б. Кризисная сеть (традиция духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110—177.

Summary. *The article discusses the practice of writing notes to saints in places of their worship. Such practice becomes widespread in contemporary Russia. The analysis of the ritual in three sacred places shows how this practice is originated under the influence of internal and external factors. In both cases, the vocabulary and syntax of such notes indicate the practice secularization and notes transformation from the letters addressed to saints to the instrument of wish fulfillment.*

Key words: folk religion, folklore, saints, rite, chapel, sacred places, saints cult, letter.